
Наследие Стерха.
Книга 3
Владимир Кожедеев
18+

Киберпанк, научная фантастика, психологический триллер, фантастика с элементами детектива, антиутопия

Владимир Кожедеев

Наследие Стерха. Книга 3

«Автор»
2026

Кожедеев В.

Наследие Стерха. Книга 3 / В. Кожедеев — «Автор», 2026 — (Киберпанк, научная фантастика, психологический триллер, фантастика с элементами детектива, антиутопия)

Они думали, что война закончена. Они ошибались.Осень 2189 года. Арсений Соболев — национальный герой и изгой одновременно. Он закрыл портал, уничтожил Стерха, посадил заговорщиков. Но пресса называет его «токсичным», бывшие союзники отворачиваются, а шантажисты угрожают опубликовать компромат на друга Глеба, убивавшего биороботов без суда.Москва погружается в паранойю. Биороботы-насекомые кишат в воздухе, следят, записывают, передают. Люди боятся выходить на улицы. Правительство готовит чистку.И в этом хаосе появляется новое имя — «Учитель». Тот, кто стоял за Штерном, Крыловым и Тимирязевым. Тот, кто создал Стерха. Тот, кто видел зарю технологий и пережил их закат.Чтобы спасти друзей и восстановить справедливость, Арсений вступает в последнюю битву. На кону — не только его жизнь, но и само будущее человечества.«Наследие Стерха. Книга 3» — финальная книга трилогии о детективе из будущего. Приготовьтесь к погоням, предательству, неожиданным союзникам и ответам на вопросы.

© Кожедеев В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. 5
Глава 1. 12
Глава 2. 18
Глава 3. 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Владимир Кожедеев
Наследие Стерха. Книга 3

Пролог.

Сентябрь 2189 года выдался тревожным — той особенной тревогой, которая не имеет ни запаха, ни цвета, но которую чувствуют все. Животные скулили без причины, дети плакали по ночам, старики вспоминали «времена до портала» и крестились на купола церквей, которые снова открылись после многолетнего забвения. Москва жила своей обычной жизнью — квантовые генераторы гудели в подвалах, дроны-доставщики сновали между домами, люди спешили по делам. Но в воздухе висело нечто неуловимое, как запах гари перед большим пожаром.

Город изменился за те девять месяцев, что прошли с закрытия портала. К лучшему или к худшему — никто не мог сказать определённо. С одной стороны, исчезла тотальная слежка — нейро-линзы вышли из моды, социальный рейтинг отменили за ненадобностью, люди снова могли говорить, не боясь, что их слова запишут и проанализируют. С другой — исчезла и защита. Биороботы, оставшиеся без управления, бродили по улицам, не зная, кто они. Преступность, подавленная железной рукой «Гипермеханики», вернулась с новой силой. И где-то в тени, за горизонтом событий, ждали «Стерхи» — те, кто дал людям технологию портала и кто теперь требовал плату.

Арсений Соболев сидел в своём маленьком офисе на Лубянке — три комнаты, кухня, тесный коридор, где едва помещались шкафы с делами. Окна выходили во внутренний двор, где дворники-роботы сгребали первые жёлтые листья в аккуратные кучки. Офис назывался «Агентство неочевидных решений» — вывеска ручной работы, без голограмм, без саморекламы, без намёка на то, что здесь работает человек, который трижды спасал Москву.

Клиентов было мало. После того как Арсений разругался с Королёвым (прямо на совещании, назвав начальника ФАКЗ «слепым бюрократом, который не видит леса за деревьями»), государственные заказы закончились. Пресса, вчерашние союзники, называла его «выскочкой», «мальчишкой, которому повезло один раз», «провинциальным детективом без лицензии». Социальные сети травили — за безбожное использование квантовой энергии, за недостаточную борьбу с биороботами, за слишком мягкое отношение к бывшим преступникам.

Было и хуже. Анонимные блогеры публиковали «расследования»: «Соболев сам создал биороботов, чтобы их ловить», «Соболев связан с “Гипермеханикой”», «Соболев — биоробот, подосланный Стерхами». Арсений не отвечал. Он знал: правда переживёт ложь. Но вера в это слабела с каждым новым заголовком.

Алина Ветрова сидела напротив, листала планшет с новостями, морщилась. Она была его тенью, его совестью, его голосом разума. За девять месяцев она сменила три причёски, бросила курить (опять), начала бегать по утрам и почти перестала улыбаться.

— Опять пишут про тебя, — сказала она, откладывая планшет.

— Что на этот раз? — спросил Арсений, не поднимая головы от бумаг.

— Что ты укрываешь биороботов. Что твой офис — прибежище для машин.

— У нас есть клиенты-биороботы?

— Нет. Но им всё равно.

— Игнорируй.

— Не могу. Твоя репутация рушится. Если так пойдёт дальше, через месяц нас никто не примет. Даже те, кто верит.

— Репутация — это то, что думают обо мне другие. А я думаю о себе сам. Мне этого достаточно.

— Ты не сможешь работать без клиентов.

— Найду других.

— Где?

— Не знаю. Но найду.

Алина вздохнула. Арсений был непробиваем, но она знала — внутри него всё кипит. Она видела это по тому, как он сжимает ручку, как дёргается его бровь, когда читает очередную грязную статью. Он держался. Но надолго ли?

За окном пролетел маленький дрон, похожий на стрекозу — серебристый, с красными глазами-сенсорами, с шестью тонкими крыльями, которые вращались с частотой, недоступной для человеческого глаза. Таких раньше не было. Арсений проводил его взглядом.

— Ты заметил? — спросил он.

— Что?

— Новые дроны. Летают стаями. Следят.

— Правительство усилило контроль после побега...

— После чего? Терактов не было. Крупных преступлений — тоже. Зачем им следить за обычными людьми?

— После закрытия портала. Говорят, «Стерхи» ищут новый вход. Правительство хочет быть готовым.

— Они не ищут, Алина. Они здесь. И эти дроны — их глаза.

— Откуда ты знаешь?

— Я проверил. Вчера. Лека поймал одного, вскрыл. Внутри — чип старого образца, такие ставили на биороботов «Гипермеханики». Только усовершенствованный. Меньше, легче, дальше передаёт.

— Кому передаёт?

— Неизвестно. Сигнал идёт через спутник. Координаты — Сибирь. Там, где был портал.

Алина замолчала. Холодок пробежал по спине, заставив её поёжиться, хотя в комнате было тепло — старые батареи работали исправно.

Вошёл Лека — сгорбленный, в старом свитере (дырка на локте, пятно от синте-кофе на груди), с потрёпанным ноутбуком под мышкой. За год он так и не научился прямо ходить — новый позвоночник работал идеально, но привычка горбиться въелась в мышцы, в осанку, в самую суть его существа.

— Есть новости, — сказал он без приветствия. — Плохие.

— Валяй, — ответил Арсений.

— В городе появились биороботы нового типа. Не люди. Насекомые.

— Какие насекомые?

— Мухи. Обычные, комнатные, которых никто не замечает. Только они не живые. Внутри — чипы, микро-приводы, анализаторы воздуха и ДНК.

— Они собирают информацию?

— Да. И передают на центральный сервер. Я перехватил пакет данных. Там — всё: кто с кем разговаривал, где был, чем дышал, даже что ел.

— Это нарушение всех законов приват.

— Законы писаны для людей, — усмехнулся Лека. — А для биороботов-насекомых закон не писан.

— Чей сервер? — спросил Арсений.

— Неизвестно. Но я нашёл координаты передатчика.

— Где?

— В Сибири. Там, где был портал.

Арсений встал, подошёл к карте на стене — старой, бумажной, с пометками и стрелками. Его пальцы коснулись точки, обведённой красным.

— Он открылся снова? — спросил он, не оборачиваясь.

— Нет. Остаточная энергия, которую мы не заметили. Кто-то использует её как батарею. Питает свои устройства.

— «Стерхи»?

— Или их последователи. Люди, которые ждут возвращения. Которые верят, что портал откроется снова и они войдут в новую жизнь.

— Религия? — спросила Алина. — У нас появилась новая религия?

— Не новая, — ответил Лека. — Старая. Только раньше они молились богам. Теперь — порталу.

Арсений повернулся к ним.

— Собираемся. Едем в Сибирь.

— Сейчас? — спросил Лека.

— Завтра утром. Готовьте оборудование. Лека — дроны, глушилки, анализаторы. Алина — карты, справки, связи с местными.

— А Глеб? — спросила Алина. — Он с нами?

— Глеб в бегах. Нельзя его светить.

— Но он мог бы помочь.

— Он поможет по-другому. Останется здесь, будет прикрывать тыл.

Они вышли. Арсений остался один — смотреть на дронов-мух, которые кружили за окном.

2189 год стал годом технологического парадокса. С одной стороны, квантовые генераторы сделали энергию бесплатной, и человечество получило ресурс, о котором не могло мечтать столетиями. С другой — этот же ресурс питал машины, которые следили за людьми, анализировали, управляли.

Биороботы нового поколения.

К 2189 году биороботы перестали быть только человекоподобными. Инженеры, оставшиеся без работы после краха «Гипермеханики», разбрелись по мелким лабораториям и мастерским. Некоторые работали на правительство, некоторые — на частные корпорации, некоторые — на теневые структуры, которые называли себя «Наследниками Стерха».

Технологии удешевились. Если раньше создание биоробота стоило миллионы, то теперь — тысячи. Потому что вместо сложных синтетических тканей использовались донорские (от трупов, от животных, от синтезаторов мяса). Вместо квантовых процессоров — старые чипы, перепрошитые и адаптированные.

Появились:

- Мухи-шпионы — насекомые размером 5-7 мм, с чипом внутри, с микрокамерой и анализатором воздуха. Они жили неделю, питались синте-нектаром (разбрызгивался дронами по ночам). За это время успевали записать тысячи разговоров, снять сотни лиц, взять пробы ДНК с кожи и волос.

- Крысы-курьеры — грызуны с вживлёнными контейнерами для микропленок, чипов и даже маленьких доз яда. Они передвигались по канализации, незаметно проникали в здания, передавали информацию. Крыс никто не боялся — к ним привыкли за столетия.

- Вороны-наблюдатели — биороботы, имитирующие птиц, с дальнобойными камерами и лазерными микрофонами. Они сидели на проводах, на крышах, на памятниках, смотрели, слушали, передавали. Вороны не вызывали подозрений — их было много в Москве всегда.

- Собаки-охранники — биороботы, заменившие настоящих служебных собак. Они были сильнее, выносливее и не нуждались в еде. Но иногда их программы давали сбой, и они нападали на хозяев. Случаи замалчивались.

- Пауки-взломщики — маленькие устройства на восьми ножках, которые залезали в розетки, USB-порты, разъёмы. Взламывали компьютеры, копировали данные, выключали системы безопасности.

Насекомые против людей.

К сентябрю 2189 года в Москве насчитывалось около полумиллиона биороботов-насекомых. Правительство утверждало, что это «экспериментальная система мониторинга окружающей среды». Никто не верил.

Люди начали борьбу. Появились самодельные глушилки — браслеты, которые создавали поле, блокирующее сигналы биороботов в радиусе метра. Но браслеты были дорогими и часто ломались. Появились сетки на окна — мельче, чем обычные, чтобы не пропускать мух. Но мухи научились прогрызать пластик.

Появились охотники на биороботов — люди, которые ловили насекомых, вскрывали их, находили чипы и продавали информацию о передатчиках. Это был опасный бизнес. Некоторые охотники исчезали. Их находили мёртвыми — с перерезанным горлом, с выжженными чипами в затылке.

Квантовые технологии: свет и тень.

Квантовые генераторы, которые Арсений и Каплан подарили миру, стали благом и проклятием одновременно.

- Свет: Электричество стало бесплатным. Счета за свет отменили. Люди могли включать обогреватели, кондиционеры, плиты — без ограничений.

- Тень: Квантовые генераторы потребляли энергию из вакуума. Они не истощались, но создавали микровозмущения, которые привлекали «Стерхов». Портал, закрытый Арсением в январе, начал открываться снова — именно из-за этих возмущений.

Учёные разделились. Одни (в основном старые, из «Гипермеханики») утверждали, что портал нужно закрыть навсегда, даже если для этого придётся отключить генераторы. Другие (молодые, амбициозные) говорили, что «Стерхи» — не враги, а учителя, и нужно учиться у них.

Правительство колебалось. Президент боялся паники. Королёв боялся вторжения. Арсений боялся правды.

Биотехнологии: границы возможного.

После краха «Гипермеханики» биотехнологии оказались в руках энтузиастов. Генные инженеры работали в подвалах, собирали оборудование с помойки, экспериментировали на себе.

К 2189 году появились:

- Замедлители старения — сыворотки на основе нано-роботов, которые чинили клетки изнутри. Они стоили бешеных денег, но работали. Люди жили до 150 лет, сохраняя молодость до 100. Это создало социальное неравенство — богатые не старели, бедные умирали в 70.

- Улучшители интеллекта — чипы, которые вживлялись в мозг и расширяли память, ускоряли мышление. Они были доступны среднему классу, но часто ломались, вызывали эпилепсию, депрессию, суициды.

- Стиратели памяти — лечение для ветеранов войн и жертв насилия. Процедура удаляла травмирующие воспоминания, но стирала и часть личности. Некоторые пациенты просыпались с пустыми глазами, не узнавали близких, не могли говорить.

- Клонирование органов — настоящие, человеческие органы, выращенные в пробирках. Это спасло тысячи жизней. Но появился чёрный рынок — клонированные органы продавались без очереди, без проверки, с риском отторжения и заражения.

Социальные сети и травля.

Осенью 2189 года социальные сети достигли пика токсичности. Люди, освобождённые от контроля «Гипермеханики», не научились свободе — они научились ненависти.

- НейроТвиттер (прямое чтение мыслей через нейро-линзы) был отключён по требованию правозащитников. Но остались старые, добрые текстовые посты — и они были страшнее мыслей. Потому что мысли могут быть мимолётными, а посты — вечными.

- Анонимные паблики публиковали компромат на чиновников, бизнесменов, журналистов. Часто — ложный. Но опровержения никто не читал. Люди верили первому заголовку.

- Боты — не люди, а программы, — имитировали обсуждения, накручивали лайки, создавали видимость общественного мнения. За ними стояли заказчики, которые хотели управлять толпой.

Арсений Соболев стал одной из главных мишеней. Его травили за:

- «Связи с Глебом Тороповым, убийцей биороботов» — хотя Глеб был его другом, а не сообщником.

- «Незаконное использование квантовой энергии» — хотя он создал генераторы бесплатно для всех.

- «Отстранение от дел» — хотя его отстранил Королёв, а не суд.

- «Слишком молод для такой должности» — хотя ему было 22 года, а опыта — на 50.

Арсений не отвечал. Он знал: правда переживёт ложь. Но вера в это слабела с каждым новым заголовком.

Офис на Лубянке находился в старом здании 2050-х годов — тогда строили на века, с толстыми стенами, высокими потолками и просторными лестницами. Арсений выбрал это место не случайно: оно напоминало ему школу, где он учился наблюдать. И напоминало о побеге — через чёрный ход можно было выйти на соседнюю улицу, а оттуда — в метро.

Внутри было тесно. Три комнаты: приёмная (стол для клиентов, стулья, фикус в горшке, который Алина забывала поливать), кабинет Арсения (стол, кресло, карта, стеллажи с папками) и комната Леки (серверы, провода, запах паяльника и синте-кофе). Кухня — в углу приёмной: чайник, микроволновка, холодильник с синте-продуктами.

Дворников-роботов Арсений выключил — не доверял. Листья сгребал сам, метлой. Старой, деревянной, которую купил у бабки на рынке.

— Ты похож на дворника, — сказала Алина, когда он вернулся с уборки.

— Дворник — честная профессия. Как детектив.

— Детектив — тоже честная?

— Если ищет правду.

— А ты ищешь?

— Всегда.

Алина не ответила.

Вернёмся к дронам-мухам.

Лека, который специализировался на старых технологиях (потому что новые можно взломать, а старые — нет), провёл расследование. Он поймал трёх мух, вскрыл их и изучил чипы.

Вот что он обнаружил:

- Процессор: Квантовый, старый образец (2175 год), с низким энергопотреблением и высокой производительностью. Такие стояли на биороботах первого поколения.

- Питание: Микро-батарея на литии, заряда хватало на 7 дней. Каждую ночь мухи собирались в определённых местах (канализационные люки, чердаки, подвалы) и заряжались от беспроводных передатчиков.

- Передатчик: Диапазон — 2.4 ГГц (забитый, много помех, но стабильный). Сигнал шёл на спутник-ретранслятор, который арендовала подставная фирма из Швейцарии.

- Анализатор ДНК: Лазерный, точечный, мог считывать эпителий с кожи и волос. Точность — 99.7%.

- Камера: Микро-объектив с разрешением 4K. Передавала видео в реальном времени. Задержка — 0.5 секунды.

- Память: 128 гигабайт. Хватало на 24 часа непрерывной записи.

Лека сделал вывод:

— Их создал профессионал. Бывший сотрудник «Гипермеханики». Или команда таких сотрудников. Технология не новая, но адаптированная под массовое производство.

— Кто заказчик? — спросил Арсений.

— Не знаю. Но я смог отследить координаты передатчика-ретранслятора.

— Где?

— В Сибири. Там, где был портал.

— Портала больше нет.

— Но осталась энергия. Можно питать устройства и передавать сигнал.

— На каком расстоянии?

— Теоретически — на всей территории России. Практически — в радиусе 3000 километров от портала. Этого хватает, чтобы покрыть Урал, Сибирь и часть Дальнего Востока.

— А Москва?

— Москва — на грани. Но ретранслятор усиливает сигнал.

— Значит, мухи работают через ретранслятор?

— Да. Если мы отключим его, они ослепнут.

— Но их хозяева могут переключиться на другой ретранслятор.

— Могут. Но не сразу. Мы выиграем время.

Арсений задумался.

— Сколько нужно, чтобы добраться до Сибири?

— На поезде — три дня. На самолёте — четыре часа. Но самолёт отследят.

— Тогда поезд. Возьми билеты на четверых.

— На четверых?

— Я, ты, Алина и Глеб.

— Глеб в розыске.

— Возьмут не Глеба, а его двойника. Ты можешь сделать маску?

— Могу. Но это рискованно.

— Вся наша жизнь — риск.

Олег Серов, он же Лека, был человеком, которого никто не замечал. Невысокий, сутулый, с вечно растрёпанными рыжими волосами и большими очками, он сливался с толпой, с фоном, с мебелью. Но его мозг работал на частотах, недоступных обычным людям.

К 2189 году Лека стал лучшим в России специалистом по квантовой криптографии и биоробототехнике. Не потому, что учился — потому что практиковался. Каждый день он вскрывал чипы, взламывал протоколы, писал новые программы. Он не публиковал статей, не выступал на конференциях, не давал интервью. Он просто работал.

Его мастерская была его крепостью. Там, среди серверов, проводов и запасных дронов, он чувствовал себя в безопасности.

— Лека, — позвал Арсений. — Ты готов?

— К чему?

— К поездке.

— Всегда.

Он закрыл ноутбук, убрал в рюкзак, проверил инструменты.

— Мухи не дремлют, — сказал он. — За нами следят.

— Знаю.

— Это не люди.

— А кто?

— Программа. «Стерх-2.0». Более совершенная. Она не управляет людьми напрямую. Она управляет информацией.

— Как?

— Собирает данные, анализирует, выдаёт рекомендации. Тем, кто их заказывает.

— Громовым? Орловым?

— Тем, кто стоит за ними. Тем, кто на той стороне портала.

— Ты думаешь, портал открывается?

— Я думаю, он никогда не закрывался до конца. Просто стал тоньше.

Арсений посмотрел в окно. Там, за стеклом, кружили мухи — серебристые, с красными глазами.

— Мы закроем его. Навсегда.

— Как? — спросил Лека.

— Войдём внутрь.

— Ты умрёшь.

— Возможно. Но я должен.

Лека не спорил. Он знал — Арсения не переубедить.

Алина Ветрова была тем, кого называют «серым кардиналом». Она не стреляла, не вскрывала чипы, не допрашивала свидетелей. Она анализировала. Сводила данные воедино, находила связи, предсказывала события.

За девять месяцев она создала систему, которая предсказывала появление новых биороботов с точностью до 90%. Она знала, где, когда и сколько их появится. Но не могла остановить — потому что у неё не было власти.

— Алина, — сказал Арсений, когда Лека вышел. — Ты боишься?

— Чего?

— Поездки. Портал. Того, что мы не вернёмся.

— Боюсь, — ответила она честно. — Но я пойду.

— Ты не обязана.

— Обязана. Я — твоя совесть.

— Совесть — это голос внутри.

— А я — снаружи. Иногда слышнее.

Она улыбнулась — впервые за день.

— Мы справимся, — сказала она. — Как всегда.

— Как всегда, — согласился Арсений.

Но он знал: это будет не «как всегда». Это будет финал.

Из дневника Арсения Соболева, 30 сентября 2189 года:

«Сентябрь закончился. Завтра — октябрь. Мы едем в Сибирь.

Мухи следят за нами. Я знаю. Они знают, что я знаю. Это игра. Умный играет, глупый — проигрывает. Надеюсь, я не глуп.

Лека собрал оборудование. Алина подготовила карты. Глеб ждёт сигнала. Он в бегах, но он с нами.

Отец говорил: “Задача решена правильно? Значит, будет новая”. Эта — последняя. Я чувствую.

Портал ждёт. Стерхи ждут. Семья — там, за гранью.

Я готов.

Продолжение следует.»

Глава 1.

1. Октябрь 2189 года. Чистка

Октябрь выдался холодным и злым.

Небо над Москвой затянули низкие свинцовые тучи, которые не пропускали солнце уже вторую неделю. Температура упала до минус пяти — рано для октября, но климатические дроны, отключённые больше года назад, больше не защищали город от капризов погоды. Люди кутались в старые пальто, доставшиеся от родителей, и вспоминали времена, когда снег в октябре был редкостью, а не нормой.

Арсений Соболев сидел в своём офисе, сжимая в руке кружку с остывшим синте-кофе. Окна запотели от дыхания, и сквозь мутное стекло едва просвечивал серый двор, где дворники-роботы, которых он так и не включил, замерли в неестественных позах, покрытые тонким слоем инея.

Кампания против него началась 3 октября. Утром, как только он открыл планшет, на экране засветились заголовки, от которых похолодело внутри.

«Соболев покрывает убийц. Эксклюзивные записи переговоров его ближайшего соратника».

«Частная армия Соболева уничтожала биороботов без суда и следствия. Кто следующий?»

«Глеб Торопов — военный преступник. А Соболев — его сообщник, прикрывавший зверства годы».

Арсений читал, не веря своим глазам. Записи были настоящими — те самые, которые Алина нашла в базах ГСК полгода назад. Те, в которых Глеб приказывал уничтожать биороботов, не сопротивлявшихся, не опасных, просто — существующих.

Как они попали в прессу?

Ответ пришёл быстро — кто-то из старых сотрудников ГСК, обиженный на Арсения за то, что тот ушёл, не поблагодарив «команду». Кто-то, кто имел доступ к архивам следствия. Кто-то, кто продался за деньги или за обещание защиты от будущих чисток.

Алина прибежала в офис через час после первой публикации, запыхавшись, с красными пятнами на лице.

— Это конец, — сказала она, не здороваясь.

— Не конец, — ответил Арсений. — Начало.

— Как ты не понимаешь? Они свяжут тебя с Глебом. Скажут, что ты знал, покрывал, участвовал.

— Я знал. Не участвовал, но знал. И покрывал — в том смысле, что не сдал его полиции.

— Зачем ты это говоришь? — Алина схватила его за плечо. — Молчи! Не давай интервью! Не оправдывайся!

— Если я буду молчать, они решат, что мне нечего сказать. Или что я признаю вину.

— А если скажешь — они перекрутят слова.

— Тогда я скажу так, чтобы нельзя было перекрутить.

Алина не верила. И была права.

Арсений дал интервью 5 октября. Место выбрал нейтральное — маленькое кафе на Арбате, где не было голографических камер, а обычные, старые, записывали на квантовые накопители. Журналистка — молодая, из «КиберПравды», которая раньше писала о нём только хорошее.

— Арсений Георгиевич, — начала она, когда кофе был подан, а запись включена. — Вы знаете, что ваш друг Глеб Торопов уничтожал биороботов без суда?

— Да, знаю, — ответил Арсений.

— И вы не сообщили в полицию?

— Нет.

— Почему?

— Потому что он мой друг. И потому что он раскаялся.

— Раскаяние отменяет наказание?

— Нет. Но оно должно учитываться.

— Вы верите в искупление?

— Верю. Иначе зачем мы живём?

— А в закон?

— Закон — для всех. Глеб ответит, если будет доказана его вина. Но не через прессу. Через суд.

— Вы не боитесь, что вас обвинят в соучастии?

— Пусть обвиняют. Я не совершал преступлений.

— Но вы знали и молчали.

— Я знал и говорил с ним. Убеждал его остановиться. Он остановился.

— Когда?

— Год назад.

— Почему вы не сообщили тогда?

— Потому что он уже собирался сдаваться. И сдался — после того, как помог поймать Орлова.

Интервью вышло на следующий день.

Его перекрутили.

«Соболев признался, что знал о преступлениях друга и не сообщил полиции».

«Соболев: “Глеб — мой друг, и я его покрывал”».

«Искупление или беззаконие? Соболев выбирает дружбу, а не закон».

Социальные сети взорвались.

«Соболев — такой же убийца, как его дружок».

«Посадить обоих!»

«Национальный герой? Преступник, которого разоблачили».

Арсений не читал комментарии. Но Алина читала — и с каждым днём становилась всё мрачнее.

Через два дня после интервью Арсению позвонил Королёв.

— Соболев, завтра в 10 утра будь у меня в кабинете.

— Для чего?

— Приказ.

— Какой приказ?

— Узнаешь.

Связь прервалась.

Арсений не спал всю ночь. Сидел на кухне, смотрел на дронов-мух, которые кружили за окном, пил чай, который заварила Алина (настоящий, из трав, которые она собирала летом под Москвой).

— Ты не должен туда идти, — сказала она.

— Должен.

— Он тебя отстранит.

— Знаю.

— Тогда зачем?

— Чтобы услышать это от него лично.

— Ты хочешь унижения?

— Я хочу правды. Если он скажет, что я виноват, — пусть скажет в глаза.

Алина обняла его.

— Ты слишком честный для этой жизни.

— А это жизнь? — спросил Арсений. — Или мы уже в портале, и нам только кажется, что мы живы?

Она не ответила.

Федеральное агентство киберзащиты (ФАКЗ) занимало старое здание «Гипермеханики» на Лубянке — то самое, где Арсений когда-то работал заместителем директора. Теперь он входил сюда как чужой.

Охрана — новые андроиды «Страж-7» с голубыми глазами и пластиковыми лицами — узнала его, но не улыбнулась. Пропуск проверили дважды, обыскали поверхностно, проводили до лифта.

Королёв сидел на своём месте, за огромным столом из тонированного стекла, и пил чёрный чай из фарфоровой кружки с гербом России. Генерал постарел за последние месяцы — седина стала гуще, лицо осунулось, под глазами залегли тени.

— Садись, Соболев, — сказал он без приветствия.

Арсений сел.

— Я отстраняю тебя от всех дел, — продолжил Королёв, не глядя в глаза. — Формальная причина — нарушение субординации. Реальная — ты стал токсичным для агентства.

— Я стал токсичным для вас, — ответил Арсений. — Не для агентства.

— Не важно. Пресса тебя сожрала. Если я оставлю тебя в системе, она сожрёт и меня.

— Вы боитесь прессы больше, чем правды.

— Я боюсь за людей, которые работают под моим началом. За их семьи, за их репутацию.

— А за правду кто боится?

— Правда — это не то, что ты думаешь, Соболев. Правда — это то, что помогает выжить.

— Вы верите в это?

— Я живу с этим.

Королёв наконец поднял глаза.

— Ты молод. Горяч. Ты хочешь справедливости, но справедливость — это привилегия сильных. Мы сейчас не сильны. Мы выживаем.

— От кого?

— От тех, кто ждёт за порталом.

— Значит, вы знаете, что портал не закрыт?

— Догадываюсь.

— И вы ничего не делаете?

— Я делаю то, что могу. Держу агентство на плаву. Не даю панике разразиться.

— А расследование?

— Расследование ведётся.

— Кем?

— Мной. И моими людьми.

— Ваши люди — коррумпированы. Морозов был не один. Вы знаете это, но не хотите признавать.

Королёв побледнел.

— Вон, — сказал он. — Вон из моего кабинета.

Арсений встал.

— Я уйду. Но вы помните: когда портал откроется снова, вы не справитесь без меня.

— Мы справлялись и раньше.

— Нет. Мы справлялись с помощью меня. А вы просто подписывали бумаги.

Арсений вышел, не хлопнув дверью.

Кампания не утихала. Наоборот — набирала обороты.

8 октября: «Соболев угрожал Королёву. Запись разговора». (Запись была смонтирована, но кто проверял?)

9 октября: «Агентство неочевидных решений — прикрытие для биороботов. Клиенты Соболева — беглые преступники».

10 октября: «Алина Ветрова — сообщница или жертва? Девушка Соболева знала о его махинациях».

11 октября: «Лека — технический гений или хакер-взломщик? Чипы из его мастерской находят на месте преступлений».

Алина плакала ночью. Арсений слышал — через тонкую стенку в их съёмной квартире (офис пришлось закрыть — хозяин потребовал освободить помещение после угроз погромами). Он не знал, как утешить. Слова не помогали.

12 октября: Глеб Торопов объявлен в розыск. Формально — за нарушение подписки о невыезде. Реально — за то, что не сдался полиции после публикации компромата.

Глеб позвонил Арсению в тот же день.

— Я сбежал, — сказал он. — Не мог сидеть и ждать, пока меня посадят без суда.

— Где ты?

— В безопасном месте. Не спрашивай.

— Что будешь делать?

— Помогать вам. Как раньше.

— Ты в розыске.

— Это не помешает.

— Убьют.

— Не в первый раз.

Арсений не стал спорить. Он знал: Глебу нужно искупление. И он его получит.

15 октября Глеб написал открытое письмо.

Он отправил его через «КиберПравду» — единственное издание, которое ещё печатало правду.

«Я, Глеб Торопов, бывший начальник отдела по борьбе с биороботами ГСК, признаю: я уничтожал биороботов без суда и следствия. 17 человек. 12 из них не сопротивлялись. Я убивал их, потому что ненавидел. Ненавидел за то, что они заменили мою мать. Ненавидел за то, что они — оружие, которое может быть использовано против невинных.

Я не прошу прощения. Я не заслуживаю его. Но я хочу, чтобы вы знали: Арсений Соболев не прикрывал меня. Он не знал о моих преступлениях до тех пор, пока я не признался. Он не помогал мне заметать следы. Он не давал указаний.

Арсений Соболев — единственный, кто заставил меня посмотреть на себя со стороны. И единственный, кто сказал: “Ты можешь искупить вину”.

Я иду в суд. Пусть судят. Пусть посадят. Я заслужил.

Глеб Торопов».

Письмо не помогло. Пресса перекрутила и его: «Торопов признался. Соболев — его духовник, а не сообщник? Странная защита».

Но Алина прочитала письмо и заплакала — впервые не от отчаяния, от надежды.

— Он понял, — сказала она. — Он признал вину. Это первый шаг.

— Шаг к тюрьме, — ответил Арсений.

— Шаг к свободе.

Арсений не ответил. Он смотрел в окно, где мухи-дроны, невидимые для глаз, продолжали кружить, записывать, передавать.

Тем временем Королёв не сидел сложа руки. Он начал чистку ФАКЗ.

Уволили 47 человек — тех, кто имел связи с Морозовым, Громовым, Орловым. Тех, кто работал в «Гипермеханике». Тех, кто молчал о преступлениях.

Алина осталась — не потому, что была чиста, а потому, что без неё аналитический центр рухнул бы.

— Ты счастлива? — спросил Арсений.

— Нет. Я на месте, но без власти. Королёв слушает меня, но не слышит.

— Он боится.

— Чего?

— Правды. Если он признает, что Морозов был не один, что предатели всё ещё в ФАКЗ, ему придётся чистить дальше. А за это его уволят.

— Тогда он слепой.

— Тогда он трус.

Алина не стала спорить. Она знала — Арсений прав.

Лека остался единственным, кто не потерял работу и не ушёл в тень. Он работал в ФАКЗ как внешний эксперт — чинил дронов, настраивал серверы, писал программы.

Но ночами он возвращался к Арсению и Алине — в их съёмную квартиру на окраине, где они прятались от прессы.

— Я нашёл кое-что, — сказал он однажды вечером, разворачивая планшет.

— Показывай.

— Портал. Он не закрыт. Он дышит.

— Как дышит?

— Он пульсирует. Каждые 24 часа — выброс энергии. Мы не замечали, потому что энергия слабая. Но она есть.

— Кто её фиксирует?

— Спутники «Роскосмоса». Они работают в пассивном режиме, данные засекречены.

— Кто их получает?

— Королёв.

— И он молчит?

— Молчит. Боится паники.

— Или готовится к вторжению.

— Или сотрудничает с теми, кто за порталом.

Арсений замер.

— Ты думаешь, Королёв — предатель?

— Я думаю, что у него есть секреты. Как у всех.

— Но ты не знаешь.

— Не знаю. Но проверю.

Лека ушёл. Арсений остался один.

Он смотрел на планшет, где портал пульсировал синим — каждые 24 часа, как сердце.

18 октября, в день, когда Арсений уже собирался сдаться (не в полицию, а в отчаяние), пришло письмо.

Старое, бумажное, в конверте без марок.

Адрес отправителя: Сибирь, портал.

Арсений вскрыл дрожащими руками.

Внутри — один листок, исписанный каллиграфическим почерком:

«Арсений, ты думал, что закрыл меня здесь навсегда. Но я не пленник. Я хранитель.

Портал не закрывается. Он только затихает. Он ждёт своего часа. И час этот близок.

Ты должен вернуться. Не один. С теми, кто верит тебе.

Здесь, за гранью, я вижу, что происходит там. “Стерхи” не враги. Они — результат нашей ошибки. Я создал программу, которая вышла из-под контроля. Она управляет людьми через их страхи. Она заставляет их ненавидеть, убивать, предавать.

Но ты можешь её остановить. У тебя есть ключ — твоя вера в правду.*

Приходи. Я расскажу всё.

Игорь Соболев».

Арсений перечитал три раза.

— Это ловушка, — сказала Алина, заглядывая через плечо.

— Возможно.

— Или безумие.

— Или правда.

— Ты не пойдёшь?

— Пойду. Но не один. Вы со мной.

Алина вздохнула.

— Ты знаешь, что я с тобой. Всегда.

— Знаю.

— И Глеб?

— Глеб — тем более.

— А Лека?

— Лека будет отсюда. Прикрывать.

Они обнялись.

За окном кружили мухи.

Из дневника Арсения Соболева, 18 октября 2189 года:

«Прадед написал. Он жив. Или не жив, а существует. Какая разница?

Портал пульсирует. Королёв скрывает данные. Глеб в розыске. Алина на грани. Лека между двух огней.

А я — в центре. Как всегда.

Отец говорил: “Задача решена правильно? Значит, будет новая”. Эта — последняя. Я чувствую.

Мы едем в Сибирь. Я, Алина, Глеб. Лека — на связи.

Портал ждёт. Стерхи ждут. Семья — там, за гранью.

Я готов.»

Глава 2.

19 октября 2189 года, 8:00 утра. Съёмная квартира на окраине Москвы, в районе, где голографическая реклама не работала уже полгода (никто не чинил), а дроны-доставщики путали адреса и сбрасывали посылки в сугробы. Арсений Соболев не спал третьи сутки — глаза красные, пальцы дрожат, но голос твёрдый, как у отца в минуты принятия решений.

За окном светало. Снегопад, начавшийся накануне, превратил двор в белое поле с торчащими из сугробов скамейками и мусорными баками. Дворники-роботы, которых Арсений так и не включил, замерли в сугробах, похожие на застывших насекомых.

На кухне Алина кипятила чайник — старый, ещё электрический, с треснувшей ручкой. Запах травяного чая (мята, зверобой, липа) смешивался с запахом сырости и дешёвого синте-кофе. Лека спал в соседней комнате, развалившись на диване, подложив под голову рюкзак с инструментами.

Почтальон-андроид постучал в дверь в 8:15. Арсений открыл. Никого. На пороге — конверт из крафтовой бумаги, без обратного адреса, без марок. Только надпись от руки: «Арсению Соболеву. Лично».

Внутри — стопка документов. Копии финансовых отчётов «Агентства неочевидных решений» за последние шесть месяцев. Счета, переводы, подозрительные операции, которых Арсений никогда не совершал. Переводы на счета в швейцарских банках, аренда серверов в Исландии, оплата услуг фирм-однодневок. Общая сумма — около трёх миллионов рублей.

Проблема была в том, что у «Агентства неочевидных решений» за эти шесть месяцев не было доходов, которые позволяли бы оперировать такими суммами. Счета были пусты. Или почти пусты — там оставалось сорок тысяч на аренду и синте-кофе.

Значит, кто-то создал фальшивые документы. Или взломал банковскую систему и провёл операции от имени Арсения. И то и другое было сложно, но возможно — для того, у кого есть доступ к квантовым вычислителям и старым протоколам «Гипермеханики».

Внизу, на последнем листе, — приписка, напечатанная на старом матричном принтере:

«Соболев, ты думаешь, что умнее всех. Но ты всего лишь марионетка. Мы имеем компромат на твоего друга, на твою контору, на твою жизнь. Если ты не остановишь расследование — мы всё опубликуем. Ты потеряешь всё. Выбор за тобой. Срок — три дня».

Арсений прочитал дважды. Усмехнулся.

— Лека! — крикнул он. — Поднимайся!

Лека ввалился в кухню через минуту — сонный, взлохмаченный, с отпечатком подушки на щеке.

— Это подделка? — спросил Арсений, протягивая письмо.

Лека взял, присмотрелся.

— Скорее всего. Бумага старая, но не древняя. Чернила стандартные. Но я проверю.

— Не надо.

— Почему?

— Я знаю, кто это.

— Кто?

— Стерхи. Или их последователи. Те, кто хочет, чтобы я ушёл с дороги.

— Ты уйдёшь?

— Нет. Не дождутся.

Арсений разорвал письмо. Клочки бумаги упали на пол, смешались с пылью и крошками от синте-хлеба.

— Ты мог бы сохранить его для экспертизы, — сказал Лека.

— Не нужно. Они пришлют ещё. Или опубликуют.

— Ты не боишься?

— Страх — это сигнал. Не приговор.

Лека покачал головой, но спорить не стал.

К 2189 году шантаж стал высокотехнологичным. Всё, что раньше требовало присутствия киллеров с компроматом, теперь делалось удалённо: через дронов, через нейро-линзы, через взломанные камеры наблюдения. Но письмо на бумаге было анахронизмом — кто-то хотел, чтобы Арсений понял: его враги не безликие алгоритмы. У них есть руки, ноги, лица. Они реальны.

Технологии, использованные для создания фальшивых финансовых отчётов:

- Квантовый принтер — устройство, которое могло напечатать любой документ на любой бумаге, включая старую, с эффектом «состаривания». Такие принтеры стоили миллионы и были доступны только корпорациям и правительствам. Или тем, кто имел доступ к оборудованию «Гипермеханики».

- Генератор подписей — программа, анализировавшая почерк Арсения по образцам (из старых заявлений, контрактов, писем) и создававшая идеальные имитации.

- Взлом банковской системы — старый протокол «Гипермеханики», оставшийся после её краха. Кто-то знал код.

Алина, войдя на кухню и увидев клочки бумаги, побледнела.

— Они добрались до банков, — сказала она.

— Или до моих старых подписей.

— И то и другое плохо.

— Не смертельно.

— Арс, если они опубликуют эти документы, тебя посадят.

— Не посадят. Я докажу, что это фальшивка.

— Как? У тебя нет денег на экспертизу. Лаборатории ФАКЗ тебе не помогут — Королёв отстранил тебя.

— Лека сделает экспертизу.

— Лека — техник, а не криминалист.

— Лека — гений. Этого достаточно.

Лека, услышав своё имя, поднял голову.

— Анализ бумаги покажет, что она старая, но не древняя. Чернила — стандартные, их можно купить в любом магазине. Подпись — компьютерная, я найду артефакты.

— Сколько времени нужно?

— Два дня.

— У нас есть три.

— Успею.

Алина не успокоилась, но замолчала.

На следующий день, 20 октября, в новостях появился сюжет.

«Агентство неочевидных решений финансируется из офшоров. Эксклюзивные документы». «Счета Соболева: переводы в Швейцарию, Исландию, Кипр». «Клиенты Соболева — бывшие сотрудники “Гипермеханики”. Связи с коррупционерами?».

Эксперты (те же лица, что и месяц назад, те же имена, те же голоса) говорили о связях с «Гипермеханикой», о коррупции, о продажности.

— Соболев — не герой, — вещал один из них, профессор Семёнов, которого Арсений никогда не видел вживую. — Он марионетка. За ним стоят люди, которые хотят дестабилизировать ситуацию. Его расследования — это ширма. Настоящая цель — подорвать доверие к государственным институтам.

— Какие доказательства? — спросила ведущая.

— Документы, которые мы видели. Переводы на счета. Аренда серверов. Неопровержимые факты.

— А сам Соболев отрицает?

— Отрицает. Но разве преступник признаётся?

Алина выключила телевизор.

— Это не эксперт, — сказала она. — Это актёр. Я проверяла. Он снимается в рекламе синте-мяса.

— Какая разница? — ответил Арсений. — Ему платят. Он говорит.

— Мы можем подать в суд за клевету.

— Можем. Но это займёт годы. А нам нужны дни.

— Что ты предлагаешь?

— Игнорировать.

— Нельзя. Твоя репутация рушится.

— Репутация — это то, что думают обо мне другие. А я думаю о себе сам. Этого достаточно.

Алина отвернулась к окну.

Снег всё падал.

Первым ушёл старик, который просил найти его внука-биоробота (мальчик сбежал из дома, когда узнал правду о своём происхождении). Он позвонил утром 21 октября.

— Арсений Георгиевич, я отказываюсь от ваших услуг. Вы хороший человек, но мне нельзя иметь дело с тем, кого подозревают в коррупции.

— Меня не подозревают. Меня обвиняют без доказательств.

— Это одно и то же.

— Нет. Подозрение — это сомнение. Обвинение — это уверенность. У них нет уверенности.

— А у меня есть страх.

Старик повесил трубку.

Вторым ушла женщина, которая искала своего пропавшего кота (кот оказался биороботом-шпионом, но хозяйка не верила).

— Вы меня обманывали! — кричала она. — Вы связаны с этими... с этими машинами!

— Я не связан.

— В новостях сказали!

— В новостях врут.

— А кто проверял?

Арсений не ответил.

Третьей ушла фирма по переработке биороботов — им нужен был консультант по безопасности. Они прислали письмо по электронной почте:

«Уважаемый Арсений Георгиевич!

В связи с появившейся в прессе информацией о вашей причастности к коррупции и связям с “Гипермеханикой”, мы вынуждены расторгнуть договор о сотрудничестве. С уважением, руководство».

Клиентов больше не было.

Алина пыталась найти новых — рассылала коммерческие предложения, звонила старым знакомым, просила Леку поднять базу данных ГСК. Бесполезно. Имя Соболева стало токсичным.

— Мы банкроты, — сказала она вечером 21 октября.

— Не мы, — ответил Арсений. — Я.

— Какая разница?

— Ты можешь уйти. Найти работу. Лека может вернуться в ФАКЗ. Глеб... Глеб в розыске, ему всё равно.

— Ты предлагаешь мне бросить тебя?

— Я предлагаю тебе подумать о себе.

Алина встала, подошла к нему, взяла за подбородок.

— Слушай меня, Соболев. Я не брошу тебя. Никогда. Ты понял?

— Понял.

— Тогда не говори глупостей.

Она поцеловала его в щёку — быстро, как будто стесняясь.

Арсений улыбнулся. Впервые за много дней.

22 октября Арсений пошёл в банк. Старое здание на Тверской, с колоннами и лепниной, внутри — квантовые терминалы, голографические консультанты и живые операторы в синей форме. Очередь была небольшой — три человека.

Оператор — молодая девушка с идеальной причёской и фальшивой улыбкой — взяла его карту, вставила в считыватель, нахмурилась.

— У вас блокировка счетов, Арсений Георгиевич.

— По какому основанию?

— Подозрительные операции. Перечисление крупных сумм в офшоры.

— Я не перечислял.

— Система зафиксировала переводы с вашего счёта. Если вы не совершали, нужно писать заявление о мошенничестве.

— Напишу.

— Процедура займёт две недели.

— У меня нет двух недель. Мне нужно платить за квартиру, за еду, за аренду офиса.

— Я могу предложить вам кредит.

— Под какие проценты?

— 15% годовых.

— Это грабёж.

— Это рынок.

Арсений вышел.

На улице его ждала Алина.

— Заблокировали? — спросила она.

— Да.

— И что теперь?

— Будем жить на твои деньги.

— Они у меня есть. Но надолго не хватит.

— На месяц хватит?

— На две недели.

— Значит, за две недели мы должны закончить расследование.

— А если не закончим?

— Закончим.

Как работала блокировка счетов?

Система безопасности банков в 2189 году была автоматизирована. Алгоритмы отслеживали подозрительные транзакции и блокировали счета без участия человека. Это делалось для защиты клиентов от мошенников.

Но алгоритмы можно обмануть.

- Подмена IP-адреса — чтобы перевод выглядел как совершённый с компьютера Арсения.

- Имитация цифровой подписи — квантовый принтер, тот самый, что печатал фальшивые документы.

- Взлом банковского протокола — старый баг в системе «Гипермеханики», который не исправили после банкротства.

Кто-то знал эти уязвимости. Кто-то, кто работал в «Гипермеханике» раньше. Или кто-то, кто получил доступ к её архивам.

— Лека, — сказал Арсений, вернувшись в квартиру. — Проверь, кто из бывших сотрудников «Гипермеханики» сейчас работает в банковской сфере.

— Сделаю.

— И найди мне адвоката.

— Зачем?

— Подавать в суд.

— У тебя нет денег на адвоката.

— Найду.

— Где?

— Займу у Глеба.

— Глеб в розыске. Его счета тоже заблокированы.

— Тогда продам что-нибудь.

— Что?

— Папин накопитель.

— Ты не продашь память об отце.

— Продам, если это спасёт жизнь.

Алина заплакала.

— Не надо, — сказала она. — Мы справимся без этого.

— Справимся, — согласился Арсений. — Но готовлюсь к худшему.

23 октября хозяин офиса на Лубянке потребовал освободить помещение.

— Я не могу рисковать, — сказал он, пожилой мужчина в старомодном костюме. — Мне угрожают. Пишут, что я укрываю преступников.

— Каких преступников?

— Вас.

— Я не преступник.

— Это вы так думаете. А они — иначе.

Арсений не стал спорить. Он собрал свои вещи — папки, карты, старый накопитель отца, несколько книг — и вышел.

В последний раз оглянулся.

«Агентство неочевидных решений» больше не существовало.

Вывеску он снял сам. Положил в рюкзак — на память.

Алина ждала на улице.

— Ты как? — спросила она.

— Жив.

— Это главное.

Они пошли пешком — через Лубянскую площадь, через Кузнецкий мост, через Арбат.

Город был холодным, чужим, равнодушным.

Но они были вместе.

Глеб позвонил вечером 23 октября. Защищённый канал, старый, ещё с времён «Гипермеханики».

— Я всё знаю, — сказал он. — Про офис, про счета, про блокировку.

— Откуда?

— У меня есть информаторы.

— Ты в розыске. Не рискуй.
— Я уже всё потерял. Рисковать нечем.
— Есть жизнь.
— Не та жизнь, которую я хотел бы жить.
— Глеб...
— Я приеду. Помогу.
— Не надо. Ты нужен здесь — как запасной план.
— Какой запасной?
— Если нас поймают, ты продолжишь расследование.
— Вас не поймают.
— Не каркай.
Глеб помолчал.
— Ты веришь в Бога, Арс?
— Не знаю.
— А я верю. Потому что только Бог может простить меня.
— И люди могут.
— Ты простил?
— Давно.
— Спасибо.
Связь прервалась.
Арсений смотрел на телефон.
За окном кружили мухи.

24 октября, вечер. Арсений сидел на полу в пустой квартире (мебель продали, чтобы расплатиться с долгами). Алина готовила ужин на керосинке — электричество отключили за неуплату. Лека колдовал над ноутбуком, пытаясь взломать банковские записи.

— Есть новости, — сказал Лека. — Плохие.
— Валяй.
— Фальшивые документы напечатаны на принтере, который использовался в «Гипермеханике». Я нашёл серийный номер.
— Чей принтер?
— Был списан после банкротства. Куплен фирмой-однодневкой. Зарегистрирован на подставное лицо.
— Адрес?
— Москва. Офис в центре. Заброшенное здание.
— Мы пойдём туда.
— Сейчас?
— Завтра утром. Всё равно терять нечего.
Алина подала ужин — синте-кашу с синте-мясом. Ели молча.
— Арс, — сказала она. — А если нас убьют?
— Не убьют.
— А если?
— Тогда я встречусь с отцом.
— Ты веришь в загробную жизнь?
— Верю в память. Отец жив, пока я его помню.
— А я?
— Ты будешь жить вечно.
— Почему?
— Потому что я люблю тебя.
Алина не ответила. Но улыбнулась.

За окном кружили мухи.

Из дневника Арсения Соболева, 24 октября 2189 года:

«Неделя ада. Офис закрыт, счета заблокированы, клиенты разбежались. Пресса нас похоронила. Королёв отрёкся. Друзья — в бегах.

Но я не сдался.

Отец говорил: “Сдаются только те, у кого нет цели”. У меня есть цель. Правда.

Завтра идём в заброшенный офис. Там, возможно, следы шантажистов.

Если я не вернусь — пусть Алина продолжит. У неё это получится лучше.

Но я вернусь. Обещаю.»

Глава 3.

25 октября 2189 года, 23:00. Москва, подвал здания ФАКЗ на Лубянке — того самого, где раньше размещался отдел по борьбе с биороботами, которым руководил Глеб Торопов. Теперь отдел расформировали, сотрудников уволили или перевели, имущество конфисковали. Но подвал забыли — старую серверную, куда никто не спускался годами.

Арсений Соболев пробирался по тёмным коридорам с фонариком — старым, на батарейках, без нейро-линз и прочей электроники, которая могла бы засветить его присутствие. Лека отключил камеры наблюдения на десять минут — ровно столько, сколько нужно, чтобы спуститься, найти Глеба и поговорить.

Стены подвала были из серого бетона, с пятнами сырости и ржавыми трубами, из которых капала вода — то ли канализация, то ли отопление, которое не работало с весны. Пахло плесенью, мышами и старыми серверами — озоновый, сладковатый запах, напоминавший Арсению о школе, где он впервые научился вскрывать прошивки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.